

© 1990 г.

ЯКОВЛЕВ А. В.

**ПОГРАНИЧНЫЕ СИГНАЛЫ ЯЗЫКА АФРИКААНС, СВЯЗАННЫЕ
С ВАРИАТИВНОСТЬЮ ПРОИЗНОШЕНИЯ**

1. Под разграничительными (пограничными) сигналами в настоящей работе понимаются фонетические сегменты (не обязательно минимальные), свидетельствующие о границе двусторонних языковых единиц — например, морфем или слов,— или об отсутствии такой границы [1, с. 299—301]. Вариативность мыслится нами не как свойство языковой периферии, не как нарушение целостности и системности языка, но как фундаментальное свойство языка и один из факторов его развития [2].

В. Н. Ярцева [3] обращает внимание на особенно тесную связь языковой вариативности с пограничными, межуровневыми зонами языковой системы. Хотелось бы отметить, что пограничные сигналы пограничны как по своей синтагматике и по своим функциям, так и по своей парадигматике, по своему месту в языковой системе: на стыке фонологического и морфологического уровней. Этим в значительной мере объясняется важная роль вариативности в системе языковых разграничительных средств — роль, которую мы, в частности, стремимся показать в настоящей работе. Кроме того, в предлагаемой статье делается попытка подойти к изучению делимитативной функции звука в языке африкаанс.

2. Введем два вспомогательных понятия. Морфемы, способные начинать знаменательное слово или составлять служебное или полуслужебное слово, мы будем условно называть самостоятельными, прочие морфемы — несамостоятельными. (Условность состоит в том, что префиксы *be-* и *ge-* оказываются «самостоятельными морфемами»). Будем называть силлемой часть словоформы, состоящую: 1) из одной самостоятельной морфемы, за которой не следует ничего или следует другая самостоятельная морфема; 2) из самостоятельной морфемы и всех следующих за ней несамостоятельных морфем. Например, в словоформах *asook* «так же, как», *antwoord* «ответ» по две морфемы и по две силлемы, в словоформе *inleidings* «введения» (мн. ч.) — четыре морфемы (*in-*, *leid-*, *ing*, *-s*) и две силлемы (*in-*, *-hidings*), в словоформах *hinders* «дети», *vryheid* «свобода» — по две морфемы (*kind-*, *-ers*; *vry-*, *-heid*) и по одной силлеме.

3. К числу наиболее очевидных положительных пограничных сигналов языка африкаанс принадлежит гортанный приступ, существование которого составляет одно из отличий этого языка от нидерландских диалектов Бельгии [4, с. 234]. В «чеканном» стиле произношения гортанный приступ прикрывает начальный гласный любой силлемы, в естественных же стилях — полным и неполным — этот сегмент характерен лишь для ударного слога и для слога, начинающего синтагму. Такое распределение согласуется с выводом Л. В. Златоустовой (полученным на русском материале) о том, что позиция начала сложной фонетической единицы есть сильная позиция (см., например [5]). Отметим, что язык африкаанс, в

в отличие от немецкого, еще не до конца реализовал тенденцию к устранению неприкрытого слога из звуковой системы.

Гортанный звонкий спирант /h¹/, возможный, как и /ʔ/, лишь в начале морфемы, является положительным пограничным сигналом по отношению к морфемам, но не силлему: *vryheid/irdihsit/* «свобода» — одна силлема. Заметим, однако, что /h/ почти никогда не реализуется в суффиксе /BʋCh/ после согласного: *waarheid* ['va:rait] «правда».

Внутри морфемы (притом не исконной для африкаанс) /h/ встречается только в собственных именах *Johannes* /jo'hanas/, *Johannesburg* /jo'hanas-bserx/. Характерно, что звука /h/ нет в разговорном ласкательном названии Йоханнесбурга — *Jo'burg* /jo:, boerx/ и в гражданском имени *Jan jan*/, соответствующем церковному *Johannes*.

Реализация гортанного спиранта в речи обусловлена теми же факторами, от которых зависит и реализация гортанного приступа. Все же, по нашим наблюдениям, для исчезновения гортанного спиранта необходима большая степень просодической «погруженности» слова в высказывании, чем для исчезновения /ʔ/. Относительно большая устойчивость /h/ по сравнению с /ʔ/, на наш взгляд, обусловлена диахронически: /h/ в западногерманских языках — изначально сегментная фонема, гортанный же приступ своим происхождением обязан диэреме, т. е. вошел в число сегментных фонем извне, как бы «выпадая в осадок» из супraseгментного уровня.

Неустойчивость ларингалов в речи и относительная неопределенность их статуса в языковой системе, характерные для разных, в том числе не родственных друг другу, языков, по-видимому, связаны с их акустико-артикуляционной природой. На эту связь обращает внимание И. И. Царенко [6], отмечая, что «ларингалы образуются за счет работы только первичного, исходного органа речи — гортани, надгортанные же полости, которые и обеспечивают все бесконечное многообразие звуков человеческой речи, в их образовании не участвуют или, в лучшем случае, участвуют пассивно».

Делимитативной функции ларингалов в языке африкаанс противопоставляется делимитативная функция заднеязычного носового согласного /ŋ/, который встречается почти исключительно на конце морфемы, но не обязательно силлемы. (Мы не рассматриваем случаев типа «/t/ + + заднеязычный взрывной», которые пограничными сигналами не являются.) Следует при этом отметить вероятностный характер /p/ как разграничительного сигнала: к этому нас вынуждает существование нескольких морфем с /d/ в неконечной позиции, например, *engels* ['etjals] «английский».

Правомерность выделения вероятностных разграничительных сигналов признается не всеми фонологами (см., например [7]), однако для сегментации слитной речи на двусторонние языковые единицы эти сигналы существенны.

4. Наиболее очевидные отрицательные пограничные сигналы языка африкаанс связаны со звонкими шумными согласными, подвергшимися оглушению на конце слова и вообще на конце силлемы. Спорадическое озвончение глухих шумных согласных перед гортанным приступом (*asook* «так же, как» ['as'o : k] / ['az'o : k], *of ek* «или я» ['of'ek] / ['ov'ek], *het e/e* «яимею» ['het'ek]/l'hed'ek]) свидетельствует о делимитатив-

¹ В настоящей статье по техническим причинам в ряде случаев не используются обычные для африкаанс транскрипционные знаки (например, звонкий гортанный спирант передается знаком *h*). Фонологическая транскрипция дается в статье в косых скобках, а фонетическая — в квадратных.

ном приоритете гортанного приступа над звонкостью шумного согласного. Как нам неоднократно приходилось наблюдать, при неполном типе произнесения звук /ʔ/ может в этих случаях реализовываться в виде очень короткого и очень резкого изменения частоты основного тона.

Итак, для границы силлем отрицательным пограничным сигналом является сочетание звонкого шумного согласного с любым звуком, кроме /ʔ/ (фактически это может быть только гласный или сонорный согласный).

5. Для речи африканеров характерны два звонких губных v-образных звукотипа: губно-зубное [v] и сонорное губно-губное [w]. Фонетическая система языка африкаанс исключает возможность существования пары слов, для которых названные звукотипы были бы единственными внешними различителями. Согласный /w/, как отмечает С. А. Миронов [8, с. 21], в сочетаниях *kw*, *sw*, *tw* может произноситься и как билабиальное [w], хотя губно-зубной вариант является более предпочтительным: *kwart* [kwart] «четверть», *swem* [swem] «плавать», *twalf* [twa:lʃ] «двенадцать». На указанное варьирование обращают внимание и другие исследователи, в частности, С. А. Лоу [9] и Й. Ф. Сванепул [10, с. 60].

Следует отметить, что названные сочетания с [w] возможны лишь в том случае, когда оба звука принадлежат одной и той же морфеме (фактически эти сочетания встречаются только в начале морфемы).

Таким образом, отношение, связывающее [v] и [w] в языке африкаанс, типологически не совсем обычно: оно не является ни отношением фонематического противопоставления, ни отношением дополнительного распределения, ни отношением свободного варьирования: на стыке слов (и морфем) [kv], [sv], [tv] не варьируют с [kw], [sw], [tw]. Звукотип [w] в речи языка африкаанс является пограничным сигналом, но также не совсем обычным — в равной степени и отрицательным, и положительным: он показывает, что граница морфем проходит на один звук «левее» (ср. [1, с. 305] о фиксированном ударении, отделенном от периферии слова просодемой).

Отмеченное явление дает основание разделить групповые пограничные сигналы на левосторонние (имеющие границу с левой стороны), правосторонние и центрирующие — к последним относится большинство групповых пограничных сигналов, описанных в литературе. В качестве правостороннего группового пограничного сигнала можно назвать, например, сочетания «мягкий согласный + [ʔ]» в современном русском языке. Если учесть, что любой единичный пограничный сигнал можно представить как групповой (в виде «X + любой звук» или «любой звук + X»), то указанную классификацию можно распространить на все пограничные сигналы.

6. В связи с тем, что сегмент [w], как было отмечено выше, всегда принадлежит той же морфеме, что и предшествующий звук, интересно отметить, что с аналогичным условием в языке африкаанс был связан диахронический процесс появления назализованных гласных: сочетание «гласный + носовой согласный»² переходило в назализованный гласный лишь в тех случаях, когда за ним следовал фрикатив, принадлежащий той же морфеме; исключения составили неопределенный артикль *te* [ʔə]/[a], префиксы состава «гласный + носовой согласный» перед фрикативным согласным следующей морфемы — *ongeveer* [ʔo:xe:fe:ɾ] «приблизительно», *ongeluk* [ʔo^эдозк] «несчастье», *inhalig* [ʔb'a:ləx] «алчный, жад-

² Особняком стоят сочетания **/m/ + /n/** — о них см. в работе [10, с. 13].

ный» и прилагательные в превосходной степени: *boonste* ['bo:ste] «верхний», ср. *boontoe* ['bo:n,tu] «наверх», вследствие чего назализованный гласный является отрицательным пограничным сигналом, строго говоря, только для конца самостоятельного слова.

Указанная функция назализованного гласного еще более ослабляется, во-первых, упрощением сочетаний из двух одинаковых согласных: *ons speel* ['o:'spe:l] «мы играем», *ons sien* ['o:'sin] «мы видим», во-вторых, изредка встречающимися случаями реализации в назализованном гласном сочетания «гласный + /n/» на конце слова перед фрикативным согласным, начинающим следующее слово той же синтагмы: *om te gaan sit* ['ɔŋtə 'xa:n'sɪt]/[l/omt'a'xa: 'sat] «сесть». Таким образом, в языке африкаанс назализованные гласные связаны с границами морфем менее жестко, чем принято считать.

Если рассмотреть функциональную нагрузку носовых гласных с типологической точки зрения, то можно наблюдать довольно четкую шкалу: на одной из ее крайних точек мы найдем носовые гласные, представленные, например, во французском языке, которые, безусловно, являются самостоятельными фонемами, противопоставленными соответствующим неносовым. Это можно показать соположением отдельных слов: французские носовые гласные несут как делимитативную, так и словоразличительную нагрузку³; на другой крайней точке мы найдем носовые гласные звуки китайского [12] и исландского (ср. также замечание М. И. Стеблин-Каменского о двучленных фонологических единицах в современном норвежском [13]), которые представляют в них соединение фонем в определенном фонетическом контексте — настолько однозначно, что для формулирования условий перехода /VN/ → [V] даже нет необходимости прибегать к понятию диэремы; таким образом, носовые гласные не несут в этих языках ни и словоразличительной, ни и делимитативной нагрузки.

Очень интересный промежуточный пример находим мы в португальском языке, где образование носовых гласных — в тех случаях, когда фонетический контекст допускает варьирование, — однозначно зависит от диэрем; таким образом, португальские носовые гласные не несут словоразличительной нагрузки, но несут нагрузку делимитативную и, следовательно, не имеют фонологического статуса в модели реализации («порождения»), но имеют его в модели распознавания. Мы предложили для таких единиц название трансфонем.

Априорно можно было бы допустить существование языка, в котором назализованные гласные имели бы словоразличительную функцию, но не имели бы функции делимитативной. Однако автору такие языки не известны. На первый взгляд, этой априорной схеме соответствует португальский язык эпохи Камоэнса (XVI в.), но если бы можно было рассмотреть здесь историю португальских носовых гласных без риска уйти слишком далеко от темы этой статьи, то стало бы ясно, что и португальский язык эпохи Камоэнса не удовлетворяет названному условию, т. е. наличию словоразличительной функции носовых гласных при отсутствии делимитативной. Следовательно, речь идет не о типологическом четырехугольнике, или тетраэдре, а все-таки о шкале (по крайней мере, на начальном этапе исследования), и именно на ней следует определить место носовых гласных языка африкаанс.

О делимитативной функции французских носовых гласных см. в работе [11].

Как мы уже видели, образование носовых гласных в африкаанс связано с наличием / отсутствием диэремы, причем как межсловной, так и внутрисловной (и даже внутрисиллемной), поэтому возможны, например, минимальные пары слов. Следовательно, язык африкаанс должен на упомянутой шкале находиться где-то между португальским и французским (ср. совр. франц. *hanneton* [anto] «майский жук» и *hantons* [ato] от *hanter* «часто пощипать, неотступно следовать за кем-либо» — в обоих случаях перед /t/ нет никаких диэрем). В то же время вариативность, представленная выше примером *om te gaan sit*, и как бы м е р ц а ю щ и й характер межсловной диэремы в языке африкаанс, здесь обнаруживаемый, указывают этому языку на рассмотренной типологической шкале место между португальским и исландским, ближе к португальскому.

7. В именной системе языка африкаанс среди слов с основой, оканчивающейся на сочетание двух согласных, выделяются две подгруппы, противоположные друг другу по своей морфонологической особенности. С одной стороны, это слова с основой на сочетание двух шумных согласных, запрещенное за редкими исключениями на конце слова (за вычетом разрешенных сочетаний «взрывной + s»): *nag* /пах/ «ночь» — *nagte* /'naxta/ «ночи» (мн. ч.). Именно это явление имеют в виду авторы «Введения в германскую филологию», отмечая, что «*t* последовательно отпадает на конце слова, но сохраняется перед гласным» [4, с. 237]. Уместно вспомнить аналогичное явление во французском языке, где многие конечные согласные (в том числе и одиночные, в отличие от африкаанс) отпали в тех морфологических формах, в которых они оказывались в конечной позиции.

Чередования такого типа, как в *nag* (*nagte*), сами по себе не содержащие разграничительных сигналов (если не учитывать, что слово не может начинаться на *gt-*), связаны с делимитативной системой языка следующим образом.

Словам типа *nag* (*nagte*), имеющим два согласных в интервокальном положении (во мн. числе) и один — в конечном (в ед. числе), противопостоят слова с основой на сочетание «сонорный согласный + /d/». С. А. Миронов [8, с. 23—24] обращает внимание на прогрессивную ассимиляцию, широко распространенную в речевом потоке (и на стыке слов) и не находящую отражения в графике. Спорадический переход [rd] → [r], [nd] → [n]: —* [p] весьма характерен именно внутри слова перед гласным (на конце слова архифонема <t, d> представлена сегментом [t]). У таких слов, как *perd* [pe:rt] «лошадь», *kind* [kant] «ребенок», формы мн. числа *perde* [ˈpe:ɾda], *kinders* [ˈkandars] свободно варьируют с формами [ˈpe:ɾɛ], [ˈkan:ars], [ˈkanars]. Аналогичное варьирование мы наблюдаем также в сочетании /Id/: *skilder* «художник», *skildery* «картина»: [-adff-]/[-a:ɾa-]/[-ɛɪɔ-] с преобладанием реализаций с [-l-]. Интересно, что при этом сонант диахронически ведет себя как гласный, но с некоторым «отставанием»: выпадение *d* между сонорными звуками проходит в два этапа, из которых первый — выпадение между гласными — уже стал достоянием истории языка (как и выпадение *g*), а второй — выпадение между сонорным согласным и гласным — происходит на наших глазах.

В связях тем, что даже в быстрой речи указанное выпадение на стыке слов происходит значительно реже, чем внутри слов, сочетания «сонорный согласный + [d]» являются вероятностными сигналами. границы слов: на границах слов имеет место первый тип вариативности — с преобладанием диахронически первичных реализаций, внутри же слов — второй тип, где преобладают реализации, диахронически вторичные.

Внутри синтагмы мы неоднократно отмечали тенденцию к слитному

произнесению сочетаний /rs/, /rx/. Учитывая стремление германских языков к упрощению структуры слога*, связанное, возможно, с их общей тенденцией к аналитизму⁵, следовало бы ожидать, что слитное произнесение названных сочетаний чаще происходит в пределах одной силлемы (одного слова), а раздельное — на межсловных («межсиллемных») стыках; однако имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет утверждать это с полной уверенностью, равно как и говорить о тенденции к появлению в фонологической системе языка африкаанс слитных сегментов \rs\ и \rx\⁶.

Резюмируем сказанное. Мы видим, что наряду с очевидными разграничительными сигналами, указанными в п. 3 и 4, в языке африкаанс существуют два типа разграничительных сигналов, особенно тесно связанных с вариативностью произношения. При этом в речи неполного стиля (и вообще при неполном типе произнесения [14]), где разграничительная функция гортанных согласных ослаблена, усиливается разграничительная функция целого ряда сочетаний «сонант 4- шумный», проявляющаяся в выборе одного из двух типов вариативности, явно связанных с диахроническими факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
2. *Гак В. Г.* Языковая вариативность в свете общей теории вариантности // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. Ч. 1. М., 1982. С. 72, 74.
3. *Ярцева В. Н.* Синтаксические условия реализации морфологической вариативности языка // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. Ч. 2. М., 1982. С. 149—150.
4. *Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. И.* Введение в германскую филологию. М., 1980.
5. *Златоустова Л. В.* Фонетические единицы русской речи. М., 1981. С. 61.
6. *Царенко Е. И.* К функциональной характеристике ларингалности в языке кечуа // ВЯ. 1973. № 3. С. 81.
7. *Панов М. В.* О разграничительных сигналах в языке // ВЯ. 1961. № 1. С. 13.
8. *Мионов С. А.* Язык африкаанс. М., 1969.
9. *Louw S. A.* Afrikaanse taalAtlas. Pretoria, 1959. P. 2.
10. *Swanepoel J. F.* The sounds of Afrikaans. L., 1927.
11. *Соколова В. С.* О некоторых сигналах границы слов в современном французском языке // ВЯ. 1962. № 4. С. 68.
12. *Касевич В. Б., Спеинее Н. А.* Фонетика и фонология эризации в современном китайском языке // Востоковедение. Т. 1. Л., 1974. С. 55—72.
13. *Стеблин-Каменский М. И.* Заметка по сандхальной фонологии // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 152.
14. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б.* Стили произношения и типы произнесения // ВЯ. 1974. № 2.

⁴ В этой связи можно назвать также нидерландско-бурское сварабхакти, устранившее исходы на сочетание сонорных согласных.

⁵ Между прочим, по пути к аналитическому строю африкаанс продвинулся дальше, чем любой другой германский язык (и, по-видимому, дальше, чем любой другой индоевропейский язык).

⁶ \ \ — трансфонемные скобки, т. е. скобки, показывающие запись сегментов, позволяющих различать словосочетания.